

«КАМЧАТКА — СТРАНА ПЕЧАЛЬНАЯ...»

(ПОСЛЕДНИЙ ТВОРЧЕСКИЙ ЗАМЫСЕЛ ПУШКИНА)

Творческие свершения Пушкина в области прозы могут показаться на первый взгляд крайне разнородными, — достаточно сравнить столь несхожие между собой по жанровым признакам опубликованные им произведения: «Повести покойного Ивана Петровича Белкина», «Пиковая дама», «Кирджали», «Капитанская дочка». Однако существовала и постоянно действующая тенденция, общая для подавляющего большинства его замыслов. Начав путь прозаика как мемуарист,¹ он высоко оценил художественную выразительность документов, преломленных через живое отношение личности, этой эпохой сформированной.

Отмечая своеобразие прозаических «Сцен из рыцарских времен», С. М. Бонди увидел в них намерение «сконцентрировать в самом лаконичном выражении большое историко-социологическое обобщение. И стремительный ход событий в драме, и простота основной интриги, выраженной в двух противопоставленных символах — железные латы рыцарей и порох, взрывающий феодальный замок, — и строго определенная, почти схематическая социальная характеристика действующих лиц, и их речи, носящие иной раз характер условных социальных и исторических формул, — все это придает сценкам известную схематичность, вернее символичность».²

Здесь, на наш взгляд, выявлено основное направление художественных исканий Пушкина, упроченное его профессиональными историческими занятиями в 1830-е годы.

* * *

В самые последние дни своей жизни Пушкин приступил к работе над документальным рассказом о завоевании Камчатки — крайнего оплота России на азиатском континенте. Основой замысла стала книга С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки».³ Очевидно, пушкинский очерк предназначался для очередного тома журнала «Современник» и по форме своей примыкал к таким произведениям, как «Путешествие из Москвы в Петербург», «Вольтер», «Джон Теннер», т. е. предполагал краткое изложение избранного источника с обширными цитатами из него, отчасти намеченными

¹ В сентябре 1825 года он переписывал набело свои автобиографические записки (см.: Пушкин. Полн. собр. соч. [М.; Л.] Т. XIII. С. 225. Далее ссылки на это издание в тексте), над которыми работал с 1821 года, но уничтожил после восстания декабристов.

² Бонди С. М. О Пушкине. Статьи и исследования. М., 1978. С. 239—240.

³ Второе издание этой книги (СПб., 1786) имелось в библиотеке поэта, хранящейся ныне в Пушкинском Доме (см: Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. СПб., 1910. № 200). В нашей статье труды Крашенинникова цитируются (с указанием страниц в тексте) по изд.: Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. С приложением рапортов, донесений и других неопубликованных материалов. М.; Л., 1949.

уже при первоначальном конспекте труда С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки». ⁴

Пушкинские материалы к этому замыслу, дошедшие до нас, состоят из трех рукописных источников, относящихся к разным стадиям его творческой истории.

Самым ранним по времени, несомненно, был автограф ПД 1203, представляющий собой предварительный конспект из книги Крашенинникова, но некоторые фрагменты этой рукописи содержали краткое изложение материала, вряд ли предполагавшее существенные изменения в окончательном тексте, будь он доведен до конца. ⁵ Как и в других автографах такого рода (ср. дневник 1833—1835 гг., материалы по «Истории Петра» и т. п.), Пушкин записывает в ПД 1203 текст на правой половине каждого из листов, оставляя левую — для возможных последующих дополнений. Открывалась же рукопись описанием общей панорамы полуострова:

«Камчатская земляца (или Камчатский нос) начинается у Пустой реки и Анакноя в 59° широты — там с гор видно море по обеим сторонам. Сей узкий перешеек соединяет Камчатку с матерой землей. Здесь — грань присуду Камч(атски)х острогов; выше начинается Заносье (Анадырский присуд).

Камчатка отделяется от Америки Восточным океаном; от Охотского берега Пенжинским морем (1000 в(ерст)).

Соседи Камчатки — Америка, Кур(ильские) острова и Китай.

Камчатка страна гористая. Она разделена на равно хребтом; берега ее низменны. Хребты, идущие по сторонам главного хребта, — вдались в море — и названы носами. Заливы, между ими включенные, называются морями (Олюторское, Бобровое etc.).

Под именем Камчатки казаки разумели только реку Камчатку. Южная часть называлась Курильской земляцей. Западную часть от Большой реки до Тигиля (называли) — Берегом. (Восточный) ⁶ берег Авачею (по имени реки) и Бобровым морем. Остальную часть от устья Камчатки и Тигиля к северу — Коряками (по имени народа).

Рек много, но одна Камчатка судоходна. По ней на 200 верст от устья до устья реки Никула могло ходить морское судно кочь(?), на котором бурю занесены были первые посетители сих краев: Федот с товарищи.

Озер множество; главные: Нерпичье, при устье Камч(ат)ки; Кронецкое, из коего исходит река Крокодыг; Курильское, из которого течет река Озерная, и Апальское.

Ключи и огнедышащие горы встречаются на каждом шагу» (X, 343). ⁷

Далее в ПД 1203 идет подробный конспект, который служил, по-видимому, для общей ориентировки на местности, особо отмечая следы присутствия на Камчатке русских землепроходцев («первый русский острог — близ речек Протоку и Резень», «Никуль-река. Зимовье Федота I и зовется

⁴ Наиболее информативной работой, посвященной этому замыслу, является глава «Камчатские дела» в кн.: Эйдельман Н. Пушкин. История и современность в художественном сознании поэта. М., 1984 (здесь же см. сводку предшествующих сообщений по этой теме).

⁵ В нашей статье такие фрагменты печатаются курсивом, пушкинские подчеркивания — полужирным.

⁶ У Пушкина описка: «Западный», повторенная без всяких оговорок во всех изданиях сочинений Пушкина. Отмечено в кн: Трубе Л. Л. Остров Буян. Пушкин и география. Горький, 1987. С. 41.

⁷ Пушкиным (здесь и далее) подчеркнуты не только местные географические названия, но и экзотические понятия: присуд (волость), кочь (знак вопроса при этом слове, вероятно, предполагал описание данного судна в окончательном тексте). Позднейшие немногие вставки (или Камчатский нос; сей узкий перешеек) отражали уже художественную обработку записи.

Федотовщиной»; «река Русакова — там поселены потомки русских пришельцев» и т. п.).

Далее следовал вполне обработанный фрагмент пушкинской прозы:

«Камчатка — страна печальная, гористая, влажная. Ветры почти беспрестанные обвевают ее. Снега не тают на высоких горах. Снега выпадают на 3 сажени глубины — и лежат на ней почти 8 месяцев. Ветры и морозы убивают (т. е. уплотняют. — С. Ф.) снега; весеннее солнце отражается на их гладкой поверхности и причиняет несносную боль глазам. Настает лето. Камчатка, от наводнения освобожденная, являет скоро великую силу растительности; но в начале августа уже показывает(ся) иней и начинаются морозы.

Недостаток железа и соли чувствителен. Жители соль вываривают из морской воды. Питаются недосушенной рыбой.

Климат на Камчатке умеренный и здоровый» (X, 346).

Ниже снова идет конспект, посвященный характеристике местных народностей, их обычаев и верований.⁸ Здесь особенно много прямых отсылок к конкретным страницам книги Крашенинникова. Очевидно, это предполагало, как и в документальной повести «Джон Теннер», прямую цитацию чужого текста:

«Первым жителем и богом Камчатки почитается Кут. Смотри сказку о его соре с женою (I — стр. 55)» (X, 345);

«Гора Алайд на пустом Кур(ильском) ост(ро)ву (смотри о ней сказку I—108)» (X, 345);

«Смотри грациозную их сказку о ветре и о зорях утр(енней) и веч(ерней)» (ч. II — 168)» (X, 346);

«Мнение и страх камчадалов о ключах горячих, II — 185» (X, 346);

«Смотри ворожбу по убитому зверю, дабы он не сердился II — 207» (X, 346) и пр.

Приведем лишь первое из преданий, отмеченное Пушкиным в качестве забавного свидетельства о наивной бесцеремонности камчатской мифологии:

«Верстах в 4 от устья ее [реки Кутовой] течет в Уалкалваем с севера небольшая речка Пиитагычь, которая выпала из озера верстах в 2 от своего устья. Оно озеро не имеет имени, однако потому достойно примечания, что коряки в доказательство Кутова там пребывания приводят имеющийся на нем островок, который логом разделяется почти на две равные части и сказывают, что Кут на том островку обыкновенно збирал птичьи яйца; что лог на том учинился по причине драки, которая у него некогда с женою происходила: ибо де Кут по тому месту таскал за волосы жену свою; а драка по их объявлению зделалась между ими за яйца, которые они вместе збирали таким образом: Кутова жена была столь щастлива, что ей попадали яйца больших птиц, а напротив того Кут находил токмо мелкие, что его так огорчило, что он почитая щастие жены своей причиною своего нещастия хотел лишить ее полученной корысти, но как она в том ему попротивилась, то он отомстил ей за непокорство вышеописанным образом» (с. 133).

Впрочем, Пушкину понятна первобытная типологичность языческих верований, сравнимых с античными представлениями. «Камчадалы, — писал и Крашенинников, — которые на басни такие ж художники, как старинные греки, всем знатнейшим горам и ужасным по их мнению местам, каковы например кипящие воды, горелые сопки и прочая, приписывают

⁸ В частности, Пушкин записал: «Камчадалы плодились, несмотря на то, что множество их погибало от снежных обвалов, от бурь, зверей, потопления, самоубийства, от (в публикациях слово прочитано неверно, как «etc.» — С. Ф.) войны» (X, 347).

что-нибудь чудесное: а имянно, горячие ключи населяют вредительными духами, огнедышущие горы душами умерших...» (с. 104).

Пушкин также отмечает, в частности: «*Пенаты камчадалские Хантай (сирена) и Ажушах (терм)*» (X, 348), — имея в виду следующее описание:

«У северных камчадалов бывает в юртах по два идола, из которых один называется хантай, а другой ажушак. Хантай делается наподобие сирены, то есть с головы по груди человеком, а оттуда рыбою, и ставится обыкновенно подле огнища; а для чего и во образ кого, другой причины не мог вывесть, кроме того, что есть дух сего имени. Идол сего хантая ежегодно делается новой во время грехов очищения и ставится со старым вместе, по числу которых можно узнать, сколько которой юрте лет от построения. Ажушак есть столбик с обделанною верхушкою наподобие головы человеческой, ставится над домашнею посудою, и почитается за караульщика, отгоняющего от юрты лесные духи, за что и кормят его камчадалы во всякой день, мажут ему голову и рожу вареною сараною или рыбою» (с. 376).

Обработанный, собственно пушкинский текст далее появляется при описании русских пришельцев и их колониальных взаимоотношений с аборигенами:

«Казаки брали камчадалских жем и ребят в холопство и в наложницы — с иньими и венчались. На всю Камчатку был один поп. Главные их забавы состояли в игре карточной и в зернь в ясачной избе на полатях. Прозигрывали лисиц и соболей, наконец холопей. Вино гнали из окислых ягод и сладкой травы; богатели они от находов на камчадалов и от ясачногобору, который происходил следующим образом: камчадал сверх ясаку платил:

1 зверя сборщику

1 — подъячому

1 — толмачу

1 — на рядов(ых) казаков.

Казаку на Камчатке в 1740 году нужно было до 40 р(ублей) годового прихода» (X, 348).

Весь же конспект заключается обозначением вех трудного пути из Сибири на Камчатку.

Следует особо отметить фрагмент в ПД 1203, занесенный более темными чернилами в нижнюю часть л. 13 несколько позднее соседних записей:

«Соболиное наволоко — место по р(еке) Лене до р(ечки) Агари (30 верст) (II, 235).

(Промысел за соболями — ч. II, 233).

Промышленные зарубают деревья — II — 248» (X, 347).

Глава «О витимском соболином промысле», отраженная здесь, казалось бы, вводила повествование Крашенинникова далеко на запад от Камчатки и потому сначала Пушкиным не была отмечена. Но, знакомясь внимательно с «делами камчатскими», Пушкин отчетливо понял основную причину опасных походов первопроходцев на край земли. Вела их туда жажда наживы (государством сразу же оцененная), заключавшейся в мехах, а главным образом — в соболях и шкурках. Дело в том, что соболь обычно покидал людные места, и прежний богатый соболиный промысел на Витиме, весьма трудоемкий, постепенно оскудевал: «витимские промышленники, препроведя почти целой год в несносных трудах и нуждах, почитают за счастье, ежели им по 10 соболей или и меньше на человека достанется» (с. 255). В то же время «соболи камчатские величиною, пышностью и осяю превосходят всех соболей сибирских (...) В прежние времена бывало там соболей невероятное множество, один промышленник мог изловить без дальнего труда до семиде-

сят и осмидесят в год... камчадалы при покорении своем за ясак соболойной не токмо не спорили, но напротив того весьма казакам смеялись, что они променивали ножик на 8, а топор на 18 соболей. Сия самая истинна, что с начала покорения Камчатки тамошние прикачки в один год получали богатства мяжкой ружлядью до тридцати тысяч рублей и больше» (с. 244).

О цене соболя в начале XIX века сообщала имевшаяся в библиотеке поэта (№ 157) география Зябловского: «По реке Уде, текущей в Охотское море, попадаютя превосходнейшие соболи, из коих один продается от 75 до 100 рублей. Вообще замечено, что, чем какая страна далее простирается к Востоку, тем лучше становятся соболи».⁹ О том, как ценились соболи в заграничной торговле, свидетельствует между прочим Даниэль Дефо, во второй части своего знаменитого романа описавший путешествие Робинзона Крузо по Сибири: «... он [ссылный князь Голицын в Тобольске] преподнес мне соболий мех — подарок слишком роскошный для человека в его положении. (...) На другой день я послал князю через своего слугу небольшой ящик чая, два куса китайского шелка, четыре слитка японского золота весом около шести унций, что далеко не окупало его соболей, так как в Англии они стоили 200 фунтов».¹⁰

Только после составления конспекта в рукописи ПД 1203 Пушкин мог приступить к выработке плана своей документальной повести (ныне эта рукопись ПД 1202):

«Сибирь уже была покорена.
Приказчики услышали о Камчатке.
Описание Камчатки.
Жители оной.
Федот Кочевщик.
Атласов, завоеватель Камчатки».

Ниже шел черновик текста, соответствующего первому пункту намеченного плана:

«Завоевание Сибири постепенно совершалось. Уже все от Лены до Анадыря реки, впадающие в Ледовитое море, были открыты казаками, и дикие племена, живущие на их берегах или кочующие по тундрам северным, были уже покорены смелыми сподвижниками Ермака. Выявлялись смельчаки, сквозь неимоверные препятствия и опасности устремлявшиеся посреди враждебных диких племен, приводили (их) под высокую царскую руку, налагали на них ясак и бесстрашно селились между ими в своих жалких острожках» (X, 367).

Далее, однако, повествование не было продолжено, хотя основной материал для пунктов 3 и 4 был сосредоточен в рукописи ПД 1203, причем первый из них был в основном уже прописан. В соответствии с планом, весь рассказ о Камчатке сначала предполагалось завершить сведениями о Федоте Алексееве (Федоте Алексеевиче Попове), занесенном с командой на Камчатку в середине XVII века, и о «камчатском Ермаке» — Владимире Атласове. Но, обратившись за материалом к четвертой части труда Крашенинникова, Пушкин решил полнее изложить тамошние исторические события.

⁹ Землеописание Российской Империи для всяких состояний (...) Профессора Евдокима Зябловского. В Санктпетербурге. При Императорской академии Наук. 1810 года. Ч. 2. С. 201.

¹⁰ Дефо Даниэль. Робинзон Крузо. Л., 1929. Т. 2: Дальнейшие приключения Робинзона Крузо, составляющие вторую и последнюю часть его жизни и захватывающее изложение его путешествий по трем частям света, написанные им самим. С. 739. Книга эта имела в библиотеке Пушкина в двух изданиях: на английском и французском языках (№ 856, 857).

Так возникает последний из известных нам источников последнего творческого замысла Пушкина, помеченный датой «20 янв. 1837» и озаглавленный «Дела Камчатские» (ПД 413).¹¹

Подобный же обзор локальных исторических событий Пушкин принимал и ранее: в материалах его «Истории Петра» под годовой рубрикой «1722» имеется запись «Дела Персидские», начало которой представляло собой сводку более ранних упоминаний о Персии в голиковских «Деяниях Петра Великого»: «Гусейн шах в то время тиранствовал, преданный своими евнухами, изнеможенный вином и харемом. Бунты кипели вокруг него. В минутных мятежах истребился род Софиев» (X, 262) и пр.

Рукопись ПД 413 по характеру своему также очень четкая, хотя и с некоторыми исправлениями и пометами, отсылающими к книге Крашенинникова и тем самым намечающими ряд дополнений. Но, кажется, форма повествования о новейшей истории Камчатки Пушкиным была уже хорошо продумана: рассказ этот, соответствующий четырем главам исходной книги, изложен «в духе Тацита»¹² (по определению Н. Я. Эйдельмана): в виде монтажа восьмидесяти семи кратких заметок (параграфов) о главных событиях.

Это была кровавая история не только в силу жестокого покорения местных жителей. Пришельцы также несли большие потери. Достаточно сказать, что за сорок лет из двадцати одного тамошних российских правителей одиннадцать были убиты камчадалами, трое — своими же казаками, а четверо были казнены по распоряжению российских властей. Наиболее подробно Пушкин повествует о трех эпохах покорения Камчатки: о походах Атласова (§ 5—16, 27—32, 40), о бунте казаков против официальных лиц (§ 40—52) и о восстании под предводительством таюна (местного князька) Федора Харчина (§ 71—86), что составляет более половины пушкинского повествования о «Делах Камчатских».

Таким образом, общий план пушкинской документальной повести, определившийся 20 января 1837 года, теперь, по всей видимости, намечался в следующем виде:

Описание Камчатки.
Жители оной.
Камчатские дела.

Несомненно, при окончательной доработке текста Пушкин для уточнения деталей обратился бы и к другим источникам сведений о Камчатке.¹⁴ Прежде всего это была имевшаяся в его библиотеке (№ 186) книга «Цвету-

¹¹ Полным текстом этой части располагал П. В. Анненков, опубликовавший ее в т. 7 «Сочинений Пушкина» (СПб., 1857. С. 29—49). В дошедшей же до нас рукописи не хватает двух, вероятно, листов (между нынешними л. 17 и 18 по архивной нумерации). На утерянных ныне страницах Пушкин по ошибке нарушил нумерацию параграфов: л. 18 в ПД 415 начинается с § 72 (далее продолжено: § 73, § 74 и т. д.), хотя фактически это § 63.

¹² См.: Пушкин А. С. История Петра / Сост., подг. текста, предисл. и ком. В. С. Листова. М., 2000. С. 380.

¹³ Ср. пушкинские «Замечания на *Анналы Тацита*» (XII, 192—193).

¹⁴ Едва ли мимо внимания Пушкина прошла бы имевшаяся в его библиотеке (№ 596) книга «*Voyages et Mémoires de Mauris-Auguste, Comte de Benyowsky, Magnat des Royaumes et de Pologne, etc., etc. Contenant ses Opérations militaires en Pologne, son exil au Kamchatka... Paris, 1791*». У Пушкина также была книга «Достопамятный год Августа Коцебу, или заточение его в Сибирь и возвращение оттуда» (М., 1816) (№ 196). Сослан же Павлом I был Коцебу за драму «Граф Биньонский, или Заговор на Камчатке» (1795), признанную «вредною в отношении политическом» (см.: Мельникова С. Коцебу в России. СПб., 2005. С. 46—47). Несколько заметок о Камчатке можно было найти в журнале «Сибирский вестник» (№ 506).

щее состояние Всероссийского государства, в каковое начал, привел и оставил неизреченными трудами Петр Великий... Собрана трудами ... Ивана Кириллова» (СПб., 1831); здесь имелся раздел о Сибирской губернии и Камчатке (т. 2, с. 52—100), в котором история завоевания Сибири была изложена по «Степенной книге» и «Сибирской истории» 1637 года.¹⁵

Сведения о Камчатке в книге Кириллова были ограничены 1727 годом, но они в части описания первоначальных усилий по завоеванию земель были более достоверны, нежели у Крашенинникова, что позволило бы Пушкину снять вопросы в тексте «Дел Камчатских», поставленные им для дальнейших уточнений.

В начале «Дел Камчатских» у Пушкина значилось:

«§ 1. Сибирь была уже населена от Лены к вост(оку) до Анадырска, по рекам, впадающим в Ледовитое море.

Прикащики имели поручение проведовать о новых народ(ах) и землях и приводить их в подданство.

Пенжинские и Олюторские коряки были объяснены (кем?), от них узнали о существовании Камч(ат)ки. Оленные коряки паче о том известили»;

«§ 5. В 7203 (1695) Владимир Атласов послан был от якутского прикащика (из Якутска) в Анадырский острог собирать ясак с присудных (приписных) к Анад(ыр)ску коряк и юкогирей».

«§ 6. В следующий 204 (год) Атласов послал к Апушским корякам Луку Морозку с 16 чел(овеками) за ясаком. Оный Морозка не дошел до Камч(ат)ки токмо 4-мя днями. Взял он между прочим Камч(атск)ий острожек и в Погроме получил неведомо какие письма, которые и представил Атласову» (X, 350—351).

Так излагался Пушкиным следующий текст Крашенинникова: «По распространении российского владения в севере и по заведении селения по знатнейшим рекам, впадающим в Ледовитое море, от Лены реки к востоку до Анадырска, час от часу более старания было прилагается, чтоб от Анадырска далее проведывать земли, и живущих там иноверцов приводить в подданство; чего ради каждому прикащику накрепко было подтверждается, чтоб всякими мерами домогаться получить известие, где какой народ живет, сколь многолюден, какое имеет оружие, какое богатство и прочая. Таким образом не могла Камчатка не быть известна еще в то время, когда несколько коряк Пенжинского и Олюторского морей из Анадырска были объяснены, ибо им как соседям камчатским, а паче оленным корякам, которые часто кочуют внутрь самой Камчатки, тамошней народ был знаем» (с. 473; § 5—6 у Пушкина почти дословно воспроизводили текст Крашенинникова).

Иван Кириллов же о первоначальных походах на Камчатку за ясаком писал иначе: «Сыскана та земля назад тому близ 30 лет Анадырского острога служилым человеком Морозкою Старицыным, который ведал тот острог и окрестных иноземцев. Когда уведал оный Старицын от иноземцев про

¹⁵ Книга эта была подарена Пушкину М. П. Погодиным — (см. два письма Пушкина к нему от июля 1831 года). «Полевой разбрал издание в „Московском телеграфе“ (...) Отвечая на критику в „Телескопе“ (1831 г., № 15, стр. 409—411), Погодин свою заметку кончал заявлением, что, издавая книгу, он имел лишь пользу занимающихся историей (...) Подробнее см. у Н. П. Барсукова: „Жизнь и труды М. П. Погодина“, кн. 3, СПб., 1890, стр. 284—294. Об авторе изданной Погодиным книги — Иване Кирилловиче Кириллове (ум. 14 апреля 1737 г.) см. статью Н. П. Павлова-Сильванского в „Русском биографическом словаре“ (т. И—К, СПб., 1897, стр. 666—668); по словам биографа, Кириллов, „по всей энергии и по увлечению своему разными практически-полезными предприятиями и работами, является одним из оригинальнейших и замечательных деятелей, выдвинувшихся в эпоху Петра Великого“» (Письма Пушкина. 1831—1833 / Под ред. Л. Б. Модзалевского. М.; Л., 1931. С. 319).

Камчатку, то в 10 человеках служилых людей и платье иноземческом ходил внутрь Камчатки разведать, можно ли оною под Русскую державу покорить и, будучи там, усмотрел возможность к покорению и, как возвратился в Анадырь, тогда, взяв себе командира Володимира Атласова со служилыми людьми во 100 человек, да с собою же приговорил Юкогиров и Коряков в 200 человек, ходил на Камчатку войною, которому Камчатский народ противился (...) По прошествию двух лет со вступления в Камчатку, Атласов, позавидовав Старицыну, что его служилые люди и иноземцы более почитают, волею своею послал его Старицына с 10 человеками служилых людей на камчатских же жителей, кои были не покорены, где его Старицына с его людьми убили, а Атласов с ясачною казною, с собольими, лисьими и прочими зверями, коих могли со вступления в Камчатку собрать, вышел в Анадырь, оттуда в Якутск, а в остроге на Камчатке оставил служилых людей, и за ту службу в Москве оный Атласов получил чин Казацкого Головы» (с. 101).

Становится очевидным, что дерзкая инициатива похода на Камчатку принадлежала Луке (Морозке) Старицыну, чьи заслуги в «скасках» (рассказах) Атласова, записанных в Якутском и Сибирском приказах,¹⁶ были совершенно утаены, хотя подробности о быте камчатских народов были им почерпнуты прежде всего из писем Старицына, которые тот отправил Атласову после разгрома (погрома) Камчатского острожка.¹⁷

Впрочем, и у Пушкина деятельность Атласова обрисована далеко не апологетически. Отвага его была разбойничьего свойства. Недаром в «Делах» упомянуто о грабительстве «камчатским Ермаком» товаров российского купца на Лене, а также предполагалась вставка из Крашенинникова о самоуправстве Атласова и размерах им награбленного добра во время своего правления. В § 30 Пушкин отмечает: «длинные жалобы на обиды и преступления, учиненные Атласовым (см. IV, стр. 201)», а в § 31, что «пожитки его взяты ими в казну (сколько — см. с. 203)» (X, 355).

Вот на что здесь ссылался Пушкин: «А в оправдание свое писали в Якутск, будто Атласов не давал им съестных припасов, которые с камчадалов собираются; будто сам пользовался оными, а они, прогуляв рыбную пору, претерпевали голод; будто из корысти своей выпустил аманатов, а от того во всех ясачных иноземцах учинилась такая шаткость, что ясачные зборщики, посылаемые на Пенжинское море, едва спаслись бегством; будто колол он на смерть служивого Данила Беляева, и когда ему от служивых представлено было, чтоб он безвинно палашом не колол, но наказывал бы их за вины батогами или кнутом как государевы приказы повелевают, а он на то в ответ сказал, что государь ему в вину не поставит, хотя он их и всех прирубит; будто он, желая мстить казакам за мнимые грубые их речи, призвал к себе лучшего камчадала, и говорил ему, аки бы колол помянутого служивого за то, что служивые хотят всех камчадалов прибить, а жен их, детей и кормы по себе разделить; будто по той ведомости камчадалы жилища свои оставили, и соединясь в тесном месте, убили трех человек служивых, и многих переранили, будто он присланную из Якутска подарочную казну почти всю употребил в свою собственную пользу, так что на Камчатке в привозе явилось у него бисеру, а по тамошнему одекою, и олова не больше полпуда, а медь всю¹⁸ переде-

¹⁶ См. «Скаска Владимира Атласова о путешествии на Камчатку» в кн.: Записки русских путешественников XVI—XVII вв. М., 1988. С. 415—428.

¹⁷ У Крашенинникова, повторенного Пушкиным, о них сказано невнятно: «...получил ведомо какие письма» (Атласов приписал взятие острожка себе). На самом деле об этом ему сообщил Морозко.

¹⁸ «Медь» здесь — это едва ли не две медные пушечки, данные Атласову в 1701 году.

лал он в винокуренную посуду, и будто у новокрещеного камчадала вымучил он нападками лисицу чернобурую, которая в казну была приготовлена» (с. 479—480). «...Пожитки его в казну обрали, которые кроме множества мехов собольих и лисьих, состояли в 30 сороках в 34 соболях, в 400 лисицах красных, в 14 сиводущетых, в 75 бобрах морских» (с. 480). Все это было вполне сопоставимо с размерами ясака, отправляемого в Москву.

Перечисляя различных камчатских «приказчиков» и их «дела», Пушкин посвящает каждому из них обычно не более одного-двух параграфов. Исключение составляют события 1707—1712 годов, связанные с казачьим бунтом во главе с Данилой Анцыфириным, которого бунтовщики выбрали атаманом. Свергнув власть официальных приказчиков, казаки тем не менее продолжили завоевание новых камчатских земель и сбор государственного ясака. Однако они попытались установить в своей среде вольное казацкое правление и потому оказались между молотом и наковальней. В феврале 1712 года был убит авачинскими камчадалами «храбрый Анцыфиров», «оставя по себе громкую память и пословицу: „На Камчатке проживешь здорово семь лет, что ни сделаешь; а семь лет проживет кому Бог велит“» (X, 358). С остальными же «вольными казаками» чуть позже жестоко расправился приказчик Василий Колесов.

Столь же внимательно на протяжении всего повествования Пушкин прослеживает факты постоянного сопротивления камчадалов против рабства, особенно подробно (§ 71—85) описывая бунт в 1731—1732 годах под предводительством еловского таиона Федора Харчина.¹⁹

Восстание это было подавлено с большим трудом. Впрочем, в результате официального следствия виновные в бунте «Ив(ан) Новгородов, Андр(ей) Штинников и Сапожников были повешены, также и в человек камчадалов. Прочие казаки высечены, кто кнутом, кто плетью. Камчадалы, бывшие у них в крепостной неволе, отпущены на волю, и впредь запрещено их кабалить» (X, 366).

Заключительный абзац крашенинниковского повествования о тех же событиях звучит так: «С того времени мир, покой и тишина в Камчатке, да и впредь опасаться нечего; ибо по высокоматерному всемилостивейшие государыни нашей императрицы Елисаветы Петровны о подданных своих попечению зделаны такие учреждения, что тамошним жителям лучшего удовольствия желать невозможно. Ясаку они платят токмо по одному зверю с человека, какой где промышляется, то есть по лисице, бобру или соболю, а других зборов уже не знают. Суд и расправа, кроме криминальных дел, поручены таионам их, а комисарскому суду они не подвержены. Старых долгов, которые казаки на них почитали, править на них под жестоким истязанием не велено, а что всего паче, все почти они приведены в христианскую веру чрез проповедь слова божия, к чему способствовали отменные щедроты и милосердия всеавгустейшей монархини нашей, что новокрещеным дана от ясаку на 10 лет свобода. Для умножения же их в православии определены учителя, и во всех почти острогах заведены школы, в которых невозбрано

¹⁹ Федор Харчин на допросе от 10 мая 1733 года рассказывал о том, как в 1730 году комиссар Иван Новгородцов «велел с них собирать повторительный ясак», а если «у кого ясаку не прилучилось, то брали жен и детей и били на правееже... пока нога распухнет, а после де того распорют штаны и бьют вторично на правееже по лухлой ноге. А о платеже ясаку отписей не давали». Его самого, Харчина, били «на правееже босого и взяли два ясака на один год». Помимо двойного ясака «Иван Новгородцов брал с каждого человека сладкой травы по пуду, а кипрея по полпуда...» (ЦГАДА. Портф. Миллера 527. Тетр. 13. Л. 9). На допросе от 22 января 1735 года Иван Новгородцов, после того как было «дано ему десять ударов», признал обвинения Харчина, прибавив, что за назначение его комиссаром на Камчатку «якуцкому воеводе Полуектову дал деньгами 700 рублей» (с. 498).

обучаться как детям казачьим, так и камчадалским без всякой платы; и ныне христианская вера в тамошней стороне к северу до коряк, а к югу до третьего Курильского острова распространилась, но можно твердо надеяться, что вскоре и коряки просвещены будут святым крещением, тем наипаче, что многие из них приняли христианскую веру. Сие же между славными и великими делами всепресветлейшей самодержицы нашей почитать должно, что зверской оной народ, из которого до времен щастливого владения ее ни ста человек крещеных не было, в краткое время познав истину, оставил свое заблуждение так, что каждой ныне с сожалением и с смехом вспоминает прежнее житие свое» (с. 499—500).

Благостной официозности такого рассуждения Пушкин явно не верит. Заключаются пушкинские «Камчатские дела» кратким последним параграфом: «*До царствования Елисаветы Петровны не было и ста человек крещеных*» (X, 366).

И эта итоговая фраза проясняет во многом пушкинский отбор (в первоначальном конспекте труда Крашенинникова) материала для своей документальной повести. Пушкин отмечал там: «*О боге и душе хоть и имеют понятие, но не духовное*» (X, 347). Это предполагало, по-видимому, прямые цитации из базового источника:

«О боге, пороках и добродетелях имеют развращенное понятие. За вящее благополучие почитают объядение, праздность и плотское совокупление; похоть возбуждают пением, пляскою и рассказыванием любовных басен по своему обыкновению. Главной у них грех скука и беспокойство, которого убегают всеми мерами, не щадя иногда и своей жизни» (с. 368);

«Все почти места в свете, небо, воздух, воды, землю, горы и леса населили они различными духами, которых опасаются и больше бога почитают. Жертвы дают при всяком случае, а иных и болваны при себе носят, или имеют в своих жилищах. А бога напротив того не токмо не боятся, но и злословят при трудных и нещастливых случаях» (с. 369);

«О боге рассуждают они, что он ни щастию, ни нещастию их не бывает причиною, но все зависит от человека. Свет почитают вечным, души бессмертными, которые с телом соединившись восстанут, и вечно жить будут в таких же трудах, как и на здешнем свете, токмо с тою выгодой, что будет там во всем вящее изобилие, и никогда не имеют терпеть голоду» (с. 409).

Все это вместе отражало давно у Пушкина вызревшее убеждение о необходимости цивилизованного приобщения местных народностей к Российской империи, о чем он писал, в частности, в «Путешествии в Арзрум»: «Черкесы нас ненавидят. <...> Что делать с таковым народом. Должно однако ж надеяться, что приобретение восточного края Черного моря, отрезав черкесов от торговли с Турцией, принудит их с нами сблизиться. Влияние роскоши может благоприятствовать их укрощению: самовар был бы важным нововведением. Есть средство более сильное, более нравственное, более сообразное с просвещением нашего века: проповедование Евангелия. Черкесы очень недавно приняли магометанскую веру. Они были увлечены деятельным фанатизмом проповедников Корана, между коими отличался Мансур, человек необыкновенный, долго возмущавший Кавказ противу русского владычества, наконец схваченный нами и умерший в Соловецком монастыре.²⁰ Кавказ ожидает христианских миссионеров. Но легче для на-

²⁰ Ошибочное сведение о месте заключения Шейх-Мансура (на самом деле он окончил свои дни в Шлиссельбургской крепости) Пушкин почерпнул в книге С. М. Броневского «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе» (СПб., 1823) (см.: Стрежнев И. «К суровым северным морям...» А. С. Пушкин и Беломорский Север. Литературно-краеведческие очерки. Архангельск, 1989. С. 86—89).

шей лености в замену слова живого выливать мертвые буквы и посылать немые книги людям, не знающим грамоты» (VIII, 449).

В этой связи особого внимания заслуживает § 77 «Камчатских дел»:

«Новокрещеный Федор Харчин призвал Савина, новокрещеного грамотея, набел на него поповские рясы и велел ему петь молебен, за что и подарил ему 30 лисиц (смотри IV — 229)» (X, 364).²¹

Оказывается, влиятельный местный вождь был готов служить российской власти. При первых попытках подавления бунта недаром Харчин кричал со стен острожка: *«Я здесь приказчик. Я сам буду ясак собирать; вы, казаки, здесь не нужны»* (X, 364). Но подобная инициатива, как и казачья вольность при Анцыфиrove, для российской монархии была совершенно неприемлема.

Подобно пушкинскому «Джону Теннеру», замысел о покорении Камчатки отражал его давние размышления о гримасах «исторического прогресса». Если в судьбе «белого индейца» выявлялись жестокие методы насаждения американской демократии, то в «Делах Камчатских» прослеживались родовые черты российской политики, также воспринимавшей покоренные народы в качестве «иноземцев», людей второго сорта. Это в исторической перспективе копило внутренние силы сопротивления, грозящие со временем разнести государственное тело империи.

Недаром пушкинские «Дела Камчатские» обрываются на «бунташной теме»,²² которая сродни концовке стихотворения «Кавказ», не предназначенной для печати:

Так буйную вольность законы теснят,
Так дикое племя под властью тоскует,
Так ныне безмолвный Кавказ негодует,
Так чуждые силы его тяготят.

(III, 792)

* * *

В собраниях сочинений Пушкина его новаторские произведения, в основу которых положен документ, до сих пор помещаются среди разнородных литературно-критических, исторических и публицистических заметок, по большей части незавершенных. Тем самым рождается впечатление о «вто-

²¹ У Крашенинникова это событие было описано так: «...а Федька Харчин, как новокрещеный, призвав новокрещена ж умеющего грамоте, приказал ему петь молебен в священном одеянии, и за тот молебен выдать ему 30 лисиц, записав в книге таким образом: „По приказу комисара Федора Харчина выдано за молебен Савину“, ибо так оной новокрещеной назывался, „30 лисиц красных“, чего ради до самого выезда моего называли его попом поганым» (с. 495). Савин служил «холопом монастырским», который был «грамоте выучен» (с. 763).

²² Волнения на Камчатке продолжались и после бунта Харчина, пока там не разразились две эпидемии: «Число природных жителей, сколь прежде велико было, столь ныне мало: два большие поветрия тому причиною. *Первое*, уничтожившее большую часть камчадалов, было оспенное, лет за 40 перед сим. С того времени опустел весь восточный берег. (...) *Второе* поветрие было 1800 года, по прибытии Генерал-Маиора Сомова в Петропавловскую гавань, на судне Св. Екатерины. (...) Зараженные люди, вышедши на берег, расставлены были по квартирам, а которые могли, разъехались по острожкам; от чего смертельная горячка, подобно электрической силе, промчалась по всему полуострову. (...) Число всех в поветрие умерших простирается по крайней мере до 2 тысяч, а остающихся ныне природных жителей мужеска и женска полу около 1.500 душ» (О переменах, происшедших на Камчатке со времени описания оной Крашенинниковым // Санктпетербургский вестник, 1824. Кн. 19—20. С. 346—347). По сообщению капитана Тимофея Шмелева, в 1773 году «во всей Камчатке воинских чинов состоит 300 человек», а «ясачных камчадал 706» (с. 499) (после мора от оспы в 1768—1769 годах).

росортности» такого рода замыслов. Между тем они таили откровения, значение которых, может быть, наиболее остро почувствовал Варлам Шаламов. «История русской прозы XIX века, — замечал автор «Колымских рассказов», — мне представляется постепенной утратой пушкинского начала, потерей тех высот литературных, на которых находился Пушкин ... нужно было пройти войнам и революциям, Хиросиме и концлагерям, немецким и советским, чтобы стало ясно, что самая мысль о выдуманных людях раздражает любого читателя. Только правда, ничего кроме правды. Документ становится во главу угла искусства. Даже современного театра нет без документа. Должна быть создана проза, выстраданная как документ. Эта проза — в своей лаконичности, жесткости тона, отбрасывании всех и всяческих побрякушек есть возвращение через сто лет к Пушкинскому знамени. Обогащенная опытом Хиросимы, Освенцима и Колымы, русская проза возвращается к пушкинским заветам, об утрате которых с такой тревогой говорил в своей речи Достоевский. Свою собственную прозу я считаю поисками, попытками именно в этом пушкинском направлении».²³

²³ Цит. по: *Михайлов Олег*. В круге последнем // Вехи (субботнее приложение к газете «Российские вести»). 1993. Вып. 25. Октябрь. С. 11.

Русская литература

141

2006

Санкт-Петербург
«НАУКА»

